

их поездок в Москву приют в этой академической богадельне, могла быть его собеседницей.

Милий Федорович мало что мог поведать о своем деде Михаиле (хотя и преподнес В.С. Нечаевой некоторые его рукописи) и еще меньше – о деде двоюродном, которых он уже не застал. Хотя, конечно, лишь благодаря своему имени обрел те скромные блага, которые в эпоху строящегося социализма могли стать достоянием немногих (тем более – инвалидов).

Достоевский продолжал с лихвою отдавать старшему брату свои сибирские долги: его попечительство распространилось на потомков Михаила Михайловича уже во втором поколении.

Надо признать, что подобное положение стало возможным в какой-то степени благодаря культурной стратегии новой власти. «Не помнящая родства», но претендующая при этом на мировое духовное наследие, она срочно пыталась найти опору во внешнем авторитете – причем не только чисто революционного, но и общечеловеческого порядка. Не одни лишь «дети лейтенанта Шмидта» могли рассчитывать на ее благосклонность. Безжалостно обращаясь с современниками, власть демонстрировала, что она чтит великие имена. Литература входила в сферу государственных попечений. Забота о грядущем предполагала патернализм и в отношении прошлого. Материальная помощь потомкам знаменитых людей должна была помимо прочего компенсировать нелегитимность режима и одновременно стать признаком хорошего культурного тона.

В 1924 г. Милий Федорович покажется одной из впервые навестивших его племянниц «очень старым». К своему изумлению (и негодованию), она получит вскоре от родственника, с которым общалась всего полчаса, письмо с предложением выйти замуж. В 1936-м (за год до его смерти) другая племянница обращает внимание на его убеленную сединами красивую («как у всех Достоевских») голову, удлиненное, хорошо выбритое лицо, приятный баритональный голос: «...Он показался мне очень яркой и значительной личностью. Спустя какое-то время я получила от него довольно странное письмо с комплиментами в мой адрес». С девушкой велись вдумчивые разговоры о перспективах совместной супружеской жизни – до тех пор, пока родственница не обнаружила, что то место, на которое ее приглашают, давно уже занято сиделкой потенциального жениха.

Все эти «уклонения» объяснимы и извинительны, если вспомнить физическое состояние Милия Федоровича, отделенного от внешнего мира и прикованного к инвалидному креслу.

Между тем он некогда был женат.

Он был женат дважды. Но о первой супруге сведений не сохранилось. (Известно только, что от нее был ребенок, умерший во младенчестве.) Что касается второй жены – Евгении Андреевны Щукиной, отмеченной у Волоцкого как «мещанка г. Белева Тульской губернии», то ей в хронике рода принадлежит особое место.

Высказывалось предположение, что Волоцкой намеренно зашифровал социальное происхождение Е.А. Щукиной: на самом деле она якобы была дочерью знаменитого московского купца и коллекционера, чьим попечением Россия стала обладательницей богатой коллекции новейшей западной живописи. Но сведения об этом почтенном родстве восходят скорее всего к самой Евгении Андреевне. Эта методология ей еще пригодится.

Е.А. Щукина была замужем за М.Ф. Достоевским почти что *условный* срок: всего три месяца. После чего получила развод. М. Волоцкой не указывает, к какому именно времени относится этот скоропалительный брак.

В 1923 г., по свидетельству В.С. Нечаевой, Милий Федорович был уже разведен. Учитывая легкость развода (немыслимую в дооктябрьские времена), а также год рождения супруги (1897), позволительно предположить, что этот эфемерный союз приходится на самые первые советские годы (вернее, учитывая его непродолжительность, на малую часть одного из них).